

Р.А. САБЕРОВ, старший преподаватель кафедры истории России и ВИД НГПУ им. К.Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, e-mail: saberow@yandex.ru

Г.Е. ШКАЛИНА, доктор культурологии, профессор, ФГБОУВПО «Марийский государственный университет», e-mail: gshkalina@mail.ru

ИНСТИТУТ ЖРЕЧЕСТВА ЧЕРЕМИС И ВОТЯКОВ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ СРАВНЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ

R.A. Saberov, G.E. Shkalina

INSTITUTE PRIESTHOOD CHEREMIS AND VOTYAK IN XVIII - BEGINNING OF XX CENTURY: TO THE PROBLEM OF COMPARISON AND CLASSIFICATION

В статье исследуются проблема фиксации жреческого института автохтонных религий черемис и вотяков отечественными исследователями XVIII – начала XX веков. Рассматриваются попытки научного сообщества систематизировать и классифицировать, построить иерархию служителей культа изучаемых этносов. На основе сравнительного анализа делается вывод о схожести функционального багажа священнослужителей, принципа открытости, наличии определенной аналогии, вместе с тем различия, в системах рассматриваемого религиозного института. Авторы прослеживают наличие исследовательского диссонанса в построении систем жречества, связанного с отсутствием единого выработанного подхода к изучению проблематики. Выдвигается предположение, о том, что распределение обязанностей между служителями культа, с учётом расположения участников моления, являет собой некий образ, универсальную модель, по фигуре напоминающий ветвистое «мировое древо».

Ключевые слова: жречество, финно-угры, иерархия, XVIII – XX века.

The article investigates the problem of fixing the priestly institution indigenous religions cheremis and votyaks domestic researchers XVIII - early XX centuries. Considered attempts to systematize and classify, construct hierarchies clergy studied ethnic groups by the scientific community. Based on a comparative analysis concludes functional similarity clergy, openness, availability of certain analogies in the systems considered religious institution. The author traces the presence of dissonance research in building systems priests associated with the lack of a unified approach to the study generated problems. Puts forward the assumption that the distribution of responsibilities between the ministers of religion, taking into account the location of the participants in supplications, is a certain image, a universal model, a figure resembling a branching "world tree".

Keywords: priesthood, Finno-Ugric peoples, hierarchy, XVIII - XX century.

В настоящее время в научном мире всё более наблюдается тенденция к проведению сравнительных исследований. Вероятно, это связано с накопленным багажом знаний, имеющим, как правило, локально-территориальный, моно-этноконфессиональный характер, требующим сравнительного анализа, определения схожих и различных черт изучаемого явления.

В свете указанных выше принципов одним из актуальных вопросов, требующих исследования, является институт священнослужителей автохтонной религии родственных финно-угорских этносов Среднего Поволжья – черемис (мари) и вотяков (удмуртов). Особое внимание привлекают попытки научного сообщества XVIII – начала XX веков классифицировать, привести в иерархическую систему представителей служителей культа рассматриваемых этносов.

Начало изучения служителей культа черемис и вотяков относится к XVIII веку. Следует отметить, что фиксация вотского жречества носит, по сравнению с черемисским, менее детальный характер. Ученый Г.Ф. Миллер вообще отрицает возможность существования у вотяков жреческого института [13], а Н.П. Рычков ограничивается лишь упоминанием некоего «старика» с неясным набором религиозного функционала [15]. Лишь И.Г. Георги удалось в большей степени обратить внимание на отсутствие семейно-родовой преемственности жречества вотяков, что может свидетельствовать об открытости религиозного института [7].

Изучая черемис, исследовательскому сообществу XVIII века удалось зафиксировать следующие реликты автохтонного марийского жреческого института: «юктуч» («йўктышö»), вероятно от марийского «юкташ» – *читать*, предположим, *читать молитву*), «мушан» («мужедше», «мужэдшэ» – букв. *гадатель, ворожей*), «карт», «удшо» («учо») в значении *жрец* [4, с. 123; 9, с. 34-39; 16, с. 47-54]. Авторы рассматриваемого периода указывают на наличие иерархической структуры внутри жреческого «сословия», а также на отсутствие замкнутости в системе марийского «клира».

Наиболее полное изложение системы жреческого института черемис в XIX столетии встречается в исследованиях ученого этнографа С.К. Кузнецова. В этом ряду особо нужно выделить его труд «Черемисские мольбища» [14]. На первое место исследователь ставит «сновидца» («омыужшо» - *прим. Р.С.*) и дает ему следующую характеристику: «Вот уже 6 лет заправляет он всеми молениями черемис. Это простой слепец, лет за 50 слишком, набожный, но безусловно честный» [14, с. 74]. К «отрицательным» чертам автор относит излишнюю веру «сновидца» в свои видения, вследствие чего последний «часто назначает торжественные моления» [14, с. 74]. Следующее положение в «служебной» лестнице занимают «ворожцы» («мужедше»). За ними идут непосредственные служители культа – «карты» (жрецы) и их помощники («учо»), они «есть всюду» [14, с. 74-75]. Как отмечает автор, своей «профессии» они учатся с раннего возраста «у более известных знатоков» [14, с. 74]. Финансовой стороной вопроса проводимых молений ведал «казначей», главный выборный от всех «кумыжей» (своего рода приход, община, т.е. жители определённой деревни/деревень, участвующие в молении – *прим. Р.С.*), функции которого сводились к подсчету скотины, приносимой в жертву, собранных денег, распределению дефицита по «кумыжам» [14, с. 74]. Исследователь отмечает, что данные лица имели помощников и несли непосредственную ответственность перед «картами» [14, с. 74-75].

С.К. Кузнецов отрицает наличие принципов наследственности, а также замкнутости религиозного института жрецов - «картов» [13, с. 174-175]. Эту позицию учёного разделял и его современник, профессор Казанского университета, уроженец Марийского края И.Н. Смирнов [20, с. 203].

Анализируя полученные сведения о подготовке моления и непосредственном его проведении, попытаемся выстроить систему черемисских служителей культа. Первый уровень – «совет старейшин», в который, вероятно, первоначально входили как «светские люди», пользовавшиеся определенным авторитетом в общине, так и служители культа (в более архаическом обществе, возможно, только они) [19, с. 86], сюда же следует отнести и сновидцев («омыужшо»), указывающих на необходимость проведения моления, определяющих жертвенных животных. Следующий уровень жреческой иерархии представлен священнослужителями – «картами», «юктуч» («йўктышö») (кроме работы Г.Ф. Миллера последние не фиксируются в позднейших исследованиях) – служители культа, организующие его отправление на молениях, с выделением «старшего» и «младшего». Низшую ступень замыкали их помощники – «учо» [9, с. 38-39].

В отдельную группу можно выделить ворожцов, предсказателей («мужэдшэ»). Следует отметить, что сакральные функции данных духовных лиц выходят за непосредственные рамки проводимого моления и распространяются на практику предсказаний и знахарства. Подобную практику фиксирует исследователь XX столетия

фольклорист В.М. Васильев. Он указывает на возможность совмещения религиозных функций в руках одного лица, однако, по мнению ученого, это в большей степени характеризует колдуна и ворожца («мужэдшэ» или «мужнчэ») [3, с. 15-16].

Казанский профессор Золотницкий допускал, что черемисское «мужан» («мошан») может означать «шаман» (перестановка звуков *ш* и *м* нередко используется во всех языках и наречиях): «Карт и горно-черемисский мужан (мошан) при совершении обрядов, подобно сибирским шаманам, надевает особенную одежду, состоящую из белого длинного балахона, без оборок, с красною нашивкою на груди из кумача и с черною позади из сукна, а на голову – высокую из бересты шапку» [9, с. 15-16; 17, с. 112-113].

Научное сообщество XIX века не оставило без внимания и жреческий институт вотяков. Ученые Г.Е. Верещагин, Н.Г. Первухин, Н.Н. Блинов, С.К. Кузнецов и другие в результате проводимых полевых исследований накопили весьма большой объем фактического материала об отправлении языческого культа и руководящих им священнослужителях [1-3, 5-6, 8, 15].

Практически каждый из указанных выше авторов в своих исследованиях предпринимал попытки классифицировать, выстроить определенную иерархию вотского жречества, некоторые из них даже в сравнении с черемисским. Таким путем, в частности, пошел С.К. Кузнецов. Исследователь разделил «руководителей вотяков в деле веры» на две группы: к первой относятся знахари и колдуны, а ко второй «собственно жрецы» [8, с. 57]. Следует отметить, что подобное деление, в целом, свойственно системе организации деятельности духовных лиц рассматриваемых финно-угорских этносов.

Первая группа: глава – сновидец (имеет «верховную власть над жрецами», «назначает время моления, количество жертв и богов, коим нужно молиться»), в случае отсутствия последнего, его место занимает «туно» («главный ворожец, к которому вотяки прибегают в затруднительных случаях»), за «туно» следует знахарь и колдун. Последний, с точки зрения С.К. Кузнецова, «находится во всеобщем призрении и живет совершенно особняком» [8, с. 57]. В черемисском «варианте» эти обязанности исполняют сразу несколько духовных лиц – сновидец «омо ужшо» («омыужшо» - *прим. Р.С.*) и ворожец «мужан, мужед» («мужедше» - *прим. Р.С.*) [10, с. 218].

Вторая категория «собственно жрецов», по мнению С.К. Кузнецова, по численному составу превосходит первую. Исследователь разделяет вотских служителей культа по «территории» отправления культа, принадлежности к священному месту: жрецы, совершающие моление в больших рощах («лудах»), в шалашах для целой деревни («бадзым-куала-утись») с их помощниками, а также «хранители небольших рощ». Примечательно, что автор характеризует жреческую иерархию вотяков как «шаманскую» [8, с. 57; 17, с. 112-113]. Отметим, что дискуссия по вопросам финно-угорского шаманизма продолжается и сегодня.

К отдельной группе – помощников жрецов – можно отнести лиц, отвечающих за умерщвление жертвенного животного, а также за процесс разделывания туши: «Специальный резака (у черемис «учезо, учзо, удшо», т.е. «режущий», у вотяков – «*парчас*» или «*парчаскись*» (т.е. «разделитель» жертвы)) [10, с. 220-221; 20].

Примечательно, что рассмотренная выше классификация С.К. Кузнецова, в целом, совпадает с построениями его современников. Вместе с тем его классификация требует некоторой конкретизации и уточнений.

Исследователи XIX фиксируют наличие следующих представителей вотского языческого клира: «торо» – своего рода распорядитель обряда, начальник, настоятель при молении, он не принимает активного участия в жертвенных обрядах и молениях: «Это как бы патриарх известной местности (на несколько селений) <...> «тырь» лишь сидит в шалаше, принимая поклонение приходящих и пьет подносимую ему кумышку (брага, национальный слабоалкогольный напиток домашнего производства – *прим. Р.С.*)» [1, с. 7-8]; «восясь» – жрец, «луд утись» и «куала утись» (служители культа в священных рощах «лудах» и в храмовых строениях «куалах» - *прим. Р.С.*) [5, с. 17; 19, с. 14]. В поле зрения

ученых также попали и помощники священнослужителей, участвующие в отправлении культа: «парчась» – функции которого заключались в заклании жертвенного животного, приготовлении пищи для трапезы и «уксё-возись» – казначей, сборщик денежных средств на расходы совершаемые при отправлении культа [1, с. 35; 5, с. 18-19; 7, с. 43; 18, с. 33]. Отдельно следует выделить духовное лицо «туно», занимающее особое место в иерархии языческого вотского клира. Это ворожец, знахарь, колдун, пользовавшийся огромным авторитетом среди жрецов, так как передавал им определенный сакральный опыт и участвовал в избрании их в качестве служителей культа (в частности священнослужителей «торо» и «утись») [5, с. 30-31].

Анализируя полученные сведения, попытаемся выстроить сравнительную иерархическую модель жреческого института рассматриваемых этносов. Главными критериями, заложенными в основу системы, являются степень «сакрального авторитета» и функционал служителей культа, то есть своего рода этнические стереотипы, образы, сложившиеся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта участников отправляемого религиозного культа [12].

Уровень в иерархии	Функционал	Черемисы	Вотяки
Высший	Определение места и времени проведения моления, приносимого в жертву богам животного	Совет старейшин / сновидцы (в случае отсутствия первого)	сновидцы
Средний	Руководство молением, непосредственное отправление культа (чтение молитв, совершение ритуальных действий)	«карт» (старший и младший)	«торо» («номинальное» положение руководителя моления); «восясь» (старший и младший); «луд утись» и «куа утись» (вероятно, в зависимости от степени значимости сакрального места и его размеров – большой и малый)
Низший	Непосредственное принесение в жертву животного, разделка туши и приготовление пищи для ритуальной трапезы	«учо»	«парчась»

Следует отметить, что средний уровень данной классификации выполняет ключевую роль в отправлении культа, являясь не просто руководителями моления, но и своего рода проводниками между земным и сакральным миром.

Таким образом, на основе анализа материала XVIII – начала XX веков можно выделить следующие особенности иерархической модели служителей культа черемис и вотяков. Во-первых, опыт сравнения показывает определенную схожесть, идентичность основных элементов рассматриваемых жреческих институтов. Вместе с тем имеются и небольшие различия, к примеру, вотские служители культа среднего уровня иерархии разделяются по месту отправления культа. Во-вторых, условность иерархии

священнослужителей, открытость данного религиозного института, в связи, с чем выделение уровней функционирования, взаимной подчиненности представляется возможным в большей степени лишь во время отправления культа. В-третьих, имеют место определенные проблемы полной фиксации аспектов деятельности священнослужителей (функциональный багаж, эндонимы и экзонимы, обозначающие служителей культа), что характеризует лишь определенную часть научного сообщества рассматриваемого периода. В-четвертых, наличие исследовательского диссонанса в построении систем жречества рассматриваемых этносов, вероятно связанного с отсутствием единого выработанного подхода к изучению проблематики. В-пятых, осмелимся предположить, что рассмотренное нами распределение обязанностей между служителями культа, с учётом расположения участников моления, являет собой некий образ, универсальную модель, по фигуре напоминающий ветвистое «мировое древо».

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов, Н. Языческий культ вотяков: монография / Н.Блинов. – Вятка, 1898. – 103 с.
2. Богаевский, П.М. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных / П.М.Богаевский. – М., 1896. – 34 с.
3. Васильев, В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари / В.М.Васильев. – Краснококшайск, 1927. – 127 с.
4. Васильев, В.М. Марийско-русский словарь / В.М.Васильев, З.В.Учаев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. – 296 с
5. Васильев, И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний / И.Васильев. – Казань, 1906. – 89 с
6. Верещагин, Г. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Г.Верещагин // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1889. – Т. XIV, Вып. 3. – С. 80-135.
7. Верещагин, Г. Вотяки Сосновского края / Г.Верещагин // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1886. – Т. XIV, Вып. 2. – С. 29-113.
8. Верещагин, Г. Остатки язычества у вотяков / Г.Верещагин. – Вятка, 1895. – 66 с.
9. Георги, И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ одежд и прочих достопамятностей / И.Г.Георги. – СПб., 1795. – Ч. I. – 117 с.
10. Жреческая иерархия у язычествующих вотяков: сообщение // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – 1884. – Т. 5. – С. 218-221.
11. Золотницкий, Н.И. Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис / Н.И.Золотницкий. – Казань, 1877. – 27.
12. Кочнова, К.А. Роль этнических стереотипов в межкультурной коммуникации / К.А.Кочнова // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 2. – URL: http://www.mininuniver.ru/scientific/scientific_activities/vestnik/archive/no2 (дата обращения: 13.03.2015).
13. Кузнецов, С.К. Остатки язычества у черемис / С.К.Кузнецов // Святыни. Культ предков. Древняя история. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2009. – С. 167-203.
14. Кузнецов, С.К. Черемисские мольбища / С.К.Кузнецов // Святыни. Культ предков. Древняя история. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2009. – С. 73-77.
15. Луппов, П.Н. Громкое дело мултанских удмуртов / П.Н.Луппов. – Ижевск, 1925. – 40 с.
16. Миллер, Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков / Г.Ф.Миллер. – СПб, 1791. – 131 с.
17. Михайловский, В.М. Шаманство: сравнительно-этнографические очерки / В.М.Михайловский. – М., 1892. – Вып. I. – 151 с.

18. Первухин, Н.Г. Эскиз П. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах / Н.Г.Первухин // Первухин, Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. – Вятка, 1888. – 438 с.
19. Рычков, Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году / Н.П.Рычков. – СПб., 1770. – 190 с.
20. Смирнов, И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк / И.Н.Смирнов. – Казань, 1889. – 212 с.
21. Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / Отв. редактор Л.Е.Кириллова. – Ижевск, 2008. – 825 с.

© Саберов Р.А., Шкалина Г.Е., 2015